

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

**Николай
Рудковский**

**Последняя
любовь Нарцисса**

Николай Викторович Рудковский
Последняя любовь Нарцисса
Серия «Библиотека
драматургии Агентства ФТМ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42549522
Последняя любовь Нарцисса: ФТМ; Москва; 2019
ISBN 978-5-4467-3368-2

Аннотация

Вольное переложение античного мифа о Нарциссе, который был наказан богиней любви Венерой. Только в пьесе действие происходит в одной из современных стран, где идет война. Воины убивают мирных женщин, три монаха ищут смысл в боли, два говорящих осла ищут смысл в происходящем, девушка Эхо ищет смысл в жизни, богиня Венера ищет смысл в политике, а наказанный военачальник Нарцисс ищет смысл в любви...

Содержание

Действующие лица:	4
Акт первый	5
Сцена первая	5
Сцена вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Рудковский
Последняя
любовь Нарцисса
Современная трагедия
в пяти актах

Действующие лица:

Нарцисс

Воины

Три странствующих монаха

Венера

Эхо

Местные пожилые жительницы

Два осла

Действие происходит не то где-то в большой Евразии, не то в маленькой Чечне, а может, уже и в вашей стране. А может, и пронесёт. Всё зависит только от вашей неукротимой фантазии.

Акт первый

Сцена первая

Лес

Три странствующих монаха, два осла

1-й монах. Так что же там было?

2-й монах. Что с ними стало?

3-й монах. Они пахли грустью... Они так пахли грустью!

Милые, бедные девушки, которые собирали урожай и ждали осень. Какое красивое было начало. Они стояли, нагнувшись под послеполуденным солнцем, и запах их сладкого пота смешивался с ароматом медовых яблок. (*Бьет себя плеткой.*) Их соски набухли от тяжести молодого молока и, как бутоны пионов, откровенно раскраснелись от прилива юной игристой крови. Даже многолетние опытные пчелы принимали их за цветки и роем лепились возле них, желая отведать их липкий сок. (*Удар плетки.*)

1-й монах. Они их не жалили в грудь?

3-й монах. Да что ты! Они нежно слизывали струящуюся в глубь платья густую сладость, предназначенную на ужин их детям-младенцам, и только небольшую часть улова относили в свой шумный улей. (*Удар плетки.*)

1-й монах. Это не больно?

2-й монах. Разве нежность может быть болью? (*Бьет себя плеткой.*)

1-й монах. Я молод. Я не знаю.

2-й монах. Тогда внимательно слушай, что было дальше. (*Удар плетки.*)

3-й монах. Боль появилась потом, когда влажными стали не только их груди, руки и лица, а когда вечерняя роса стала принимать форму капель, и дети этих грустных крестьянок стали плакать от голода. (*Удар плетки.*) От голода стали плакать проходившие мимо Воины. Женщины предложили им все, что могли, кроме своего молока, предназначенного младенцам. А именно его так хотелось всем: и детям, и пчелам, и воинам, и даже мне... (*Удар плетки.*)

2-й монах. Как вкусно ты рассказываешь. (*Удар плетки.*)

1-й монах. Замечательно. (*Бьет себя плеткой.*)

3-й монах. На самом деле это был только предлог. Воины не всегда хотят есть, а только когда им приказывают. Они брезгливо возбуждали в себе чувство голода и наконец проголодались. (*Удар плетки.*)

2-й монах. Мужчины в форме должны есть.

3-й монах. Но это было не то чувство голода, когда надо срочно заполнить сырым мясом призывную утробу. Это то редкое чувство, когда душа в военной форме, набрав безнужно силу, может бесплатно у беспомощных выпивать человеческое молоко. Но молодые женщины, несмотря на приказ, отказали воинам в молоке. Они их обидели тем, что со-

гласились на смерть. (*Удар плетки.*)

2-й монах. А обиженная злость и мягкая безропотность только усиливает чужой аппетит. (*Удар плетки.*)

1-й монах. И как они его усмирили? (*Удар плетки.*)

3-й монах. Воины сначала попробовали их глаза, их смелые глаза, обильно пропитанные домашней правдой. Быстро проглотив аперитив, воины захотели избавиться от деликатесных рук. Руки бывают опасны для жизни, когда с ними грубо обращаются при готовке. Но воины знали толк в мастерстве кулинарии. Они правильно их заломили и быстро справились с салатом из рук, а потом перешли к первому блюду – холодной похлебке из острых языков и перченых проклятий, облитых обжигающим соком лимона. Душе в форме не очень приятны эти фразы, но воины уже давно привыкли поглощать это изошренное кушанье. (*Удар плетки.*)

1-й монах. На их месте я начал бы с языка.

2-й монах. На их месте лучше тебе не быть.

3-й монах. А потом перешли к горячему. Человеческие мозги! Их надо долго и тщательно промывать, чтобы нечаянно не принять в пищу ядовитые для здоровья и общества куски, зараженные опасной инфекцией. Воины разделали мозги и зажарили их вместе с такими неразборчивыми по слуху ушами. Остальные части тела оказались неинтересны для кухни народов мира. Их покромсали на десерт и выбросили. (*Удар плетки.*)

2-й монах. Как рыбу чешую в помойное ведро. (*Удар плетки.*)

1-й монах. Печально очень. (*Удар плетки.*)

3-й монах. И тогда все грудное молоко, из-за которого началась эта история, вылилось, смешалось с кровью и весело потекло к ближайшему морю. Но на полпути оно прокисло и свернулось. А фруктовые деревья молча глядели на изумленные от обиды тела крестьянок и с вечерним сомнением посыпали их первыми пожелтевшими листьями, пока те окончательно не пропали из виду. (*Удар плетки.*)

1-й монах. Скажите мне, молодому: им было больно отказывать воинам?

2-й монах. Когда все время больно, уже совсем не больно.

3-й монах. Воистину! (*Удар плетки.*)

Все скромно бьют себя.

1-й осёл. Слышишь, Серый? Какую плохую музыку извлекают люди из этих плёток?

2-й осёл. Потому что плётки играют не на наших спинах, а на плечах наших хозяев.

1-й осёл. Главный хозяин бьет наших хозяев, а наши хозяева бьют нас, и все эти годы на наших спинах гремел самый лучший тяжелый рок.

2-й осёл. Да, Малой. У меня только двадцать пять процентов шкуры осталось нетронутой.

1-й осёл. А остальные семьдесят пять процентов?

2-й осёл. А остальные изнывают от какой-то жалкой раз-

решенной музыки. А я так порой любил слушать старый славный запретный свист на плетках.

1-й осёл. Прекрасное было время.

2-й осёл. Помнится, по молодости пришел я как-то в стойло на танцы. Сижу на соломе, погоде осенней радуюсь, и тут приходят две ослицы со значками одиозными на крупе. Я им говорю: «Привет, ослицы! Чего такие скучные?». А они мне отвечают: «Мы не скучные. Мы никак обрадоваться не можем. По-настоящему, как некоторые. Даже разозлиться не получается». Я поинтересовался: «Может, с вами что-то не так?». Они долго думали, что же с ними не так. Вроде такие же, как я, а оказалось потом, что они в музыке любят только официальный всеобщий ослиный рёв. Ну, ты представляешь, Малой, это зрелище, когда откормленные ослы устраивают свое сборище в большом сарае. Приходит главный осёл, и все поют в позорном порыве, с таким ослиным шовинистическим надрывом и чуть ли не со слезами в глазах от переполнения собственного пафоса: «Иа! Иа! Иа! Иа!». Я двум ослицам и ответил, что это мой самый ненавистный в жизни звук, и отказался с ними брыкаться.

1-й осёл. Что-что, а брыкаться как надо мы, ослы, всегда умели.

2-й осёл. Только не с такими дурными ослицами. Или с людьми.

1-й осёл. А с людьми почему нельзя брыкаться?

2-й осёл. Ой. Брыкаться-то можно, но понимаешь, Ма-

лой, у людей все происходит под музыку. Плохое настроение под музыку и любовь под музыку. Классическая любовь под нетрадиционную музыку, а нетрадиционная любовь под классическую музыку. Веселые похороны, кровавые свадьбы, порочные зачатия и непорочные рождения, радостные разводы и так далее, далее, далее – всё тоже под музыку. И порой под такую нестройную, неладную, так им, людям, неподходящую и неподобранную по смыслу музыку. Как вот сейчас. Этим людям и так плохо, зачем еще плетками озвучивать это? Посмотри на них, Малой. Их и так бьют, так еще и они себя.

1-й осёл. Когда сам себя – не так обидно, а некоторым даже приятно.

2-й осёл. Ой, Малой, пошутил.

1-й осёл. Странные люди. Как быстро они все полюбили боль. Страна мазохистов.

2-й осёл. Целая страна мазохистов. И в этой стране мы с тобой два разочарованных в жизни осла.

Оба задумались о жизни.

1-й монах. Скажите мне, кто воинам отдал такой приказ, который при самых страшных спазмах в области желудка другой стеснялся бы исполнить, потому что он краснел бы от своего поступка ярче, чем цвет крови? *(Удар плетки.)*

2-й монах. Как кто? Скорее всего, он. *(Удар плетки.)*

1-й монах. Он? *(Удар плетки.)*

2-й монах. Нарцисс. *(Удар плетки.)*

1-й монах. Он тоже участвовал в этом жутком обеде?
(Удар плетки.)

3-й монах. Нарцисс никогда не ест с воинами. Он сыт своим превосходством, силой и гордостью. Но иногда он ест лениво и вальяжно, никогда не задумываясь о ненасущной пище.
(Удар плетки.)

1-й монах. Говорят, что он очень красив. (Удар плетки.)

2-й монах. Его почти никто не видел. (Удар плетки.)

1-й монах. Как никто не видел? (Удар плетки.)

2-й монах. Почти никто. Вблизи. (Удар плетки.)

3-й монах. Такие люди встречаются редко в природе. Они почти не видны, но всегда присутствуют в твоей жизни.
(Удар плетки.)

1-й монах. Тогда откуда, из каких ветров и мыслей возникли все эти разговоры о его красивом лице? (Удар плетки.)

3-й монах. Это миф. Для одних он действительно очень красив, как тропическая тень в летний зной. Для других он неприятен, как теплая водка воскресным днём. Все зависит от того, какими глазами ты на него смотришь: принижёнными или открытыми, с ужасом или притворно ласково. Поэтому разные взгляды рожают разные чувства – или безоговорочного обоготворения Нарцисса или полного омерзения от его вида. Но, так или иначе, кто может судить о его красоте, если взгляды у всех разные? (Удар плетки.)

1-й монах. Я подумал, что красивые люди не могут отда-

вать такие приказы. (*Удар плетки.*)

2-й монах. В этих приказах и погибает его красота. (*Удар плетки.*)

3-й монах. Но его приказы почти никто не слышал. И неизвестно, Нарцисс их отдавал или они приснились воинам, когда им чудилось под утро грудное молоко крестьянок. (*Удар плетки.*)

2-й монах. Неизвестно или все-таки понятно? (*Удар плетки.*)

3-й монах. Конечно, понятно, но так всё неизвестно. (*Удар плетки.*)

1-й монах. Так же, как боль. Так понятна и так непостижима... (*Удар плетки.*)

2-й монах. Как молод ты и прав. Я думал, что к боли можно привыкнуть. Но это не так. (*Удар плетки.*)

3-й монах. Тот, кто постигнет боль, тот достигнет мудрости. (*Удар плетки.*) Но почему же мне так больно? (*Умирает.*)

2-й монах. В этой стране так больно жить...

1-й монах....и так больно умирать...

В страхе бросают плетки.

1-й монах. Что будем делать?

2-й монах. Его надо похоронить в хорошем месте. Лучше рядом с погибшими девушками. Земля там мягкая, увлажненная их молоком и кровью. Ее будет легко копать, и ему там будет слаще и теплее.

1-й монах. Но где это место?

2-й монах. А ведь действительно! Мы ничего не знаем, а воины не скажут, где спрятаны тела. Они не то пропали под листьями деревьев, не то укрылись мхом зелено-изумрудным, не то растаяли на поле, как медузы, нечаянно попавшие на землю.

1-й монах. Разве люди могут, как медузы, просто так пропадать?

2-й монах. Тс-с-с. На наших полях может произойти всё, что угодно. Даже чудо исчезновения.

1-й монах. Тогда это великое чудо.

2-й монах. Самое великое в наши дни.

1-й монах. Давай найдем другое место для прощания с покойным. Мы взвалим его на осла, что крупнее телом, и уйдем скорей отсюда. Холодает.

2-й монах. Но сначала помолимся за душу.

Молятся.

1-й осёл. Как ты думаешь, Серый, ты крупнее меня?

2-й осёл. Крупнее тебя? Хм. Смотря с какой стороны за мной наблюдать.

1-й осёл. Если за тобой наблюдать с поезда, идущего с восточных русских лесов, то это будет напрасно. Тебя не заметят. Слишком ты заурядный для них осёл.

2-й осёл. Несомненно.

1-й осёл. Если смотреть с самолета, летящего с севера, то ты будешь для них неприметной точкой. Если присмотреть-

ся к тебе в бинокль с западных гор, то ты, несомненно, вызовешь у них некоторый коммерческий интерес. Ну а если кто-то будет сидеть в южных подсолнухах и издали любоваться тобой, то эта крупная любовь вызовет даже у меня большую зависть.

2-й осёл. С этих сторон я себя не представлял в разрезе. Я думал, Малой, что ты меня оценишь проще – сверху или снизу.

1-й осёл. Ну, знаешь, милый друг, чем рассматривать твой вид и в профиль и анфас, уж лучше оценивать тебя по весу. Это весомое занятие – перевозить на себе трупы в мир иной в наш шаткий век.

2-й осёл. Век расшатался, и страшней всего, что я рождён на своей спине везти его.

1-й осёл. Нет ничего страшнее для хозяев начитанного умного осла.

2-й осёл. Пускай боятся.

1-й осёл. Боюсь, что бояться им недолго.

2-й осёл. Своими длинными ушами я слышу приближение людей.

1-й осёл. Вперед на поиски могилы!

За сценой раздаются громкие и протяжные крики эсентицин.

1-й монах. Сюда стремятся люди!

2-й монах. Как некстати!

1-й монах. Встревожил кто-то вечерний мировой покой.

Надо удаляться потихоньку.

2-й монах. Окончена молитва, мы уходим.

Монахи кладут труп на осли. Все уходят.

Сцена вторая

Там же

Местные пожилые жительницы

Жительницы. Быстрее! – Скоро будет поздно! – Быстрее! – Скоро будет поздно! – Ищите их! – Солнце садится! – Доченька! – Дочка! – Солнце садится! – Сколько можно работать? Хватит трудиться! – Чем же поля их взволновали? – Дети проснутся, нечего кушать! – Доченька! – Дочка! – Эх! Солнце садится! – Урожай подождет! Осень не близко! – Чем же поля их взволновали? – Нет нигде их? Может, погибли? – Может, гуляют? – Доченька! – Дочка! – Нигде не видно! – Чем же поля их взволновали? – Как же обидно! Солнце садится! – Чувствую сердцем: что-то случилось! – Дети проснутся, нечего кушать! – Доченька! – Дочка! – Какие стога их в сено забрали? – Хочется плакать! – Только нашлись бы! – Детей накормите, гуляйте хоть сутки! – Младенцы рыдают! – Солнце садится! – Что же случилось? – Хватит трудиться! – Доченька! – Дочка! – Какие стога их в сено забрали? – Хватит работать! Осень не близко! – Дети проснутся, нечего кушать! – Доченька! – Дочка! – Старые стали матери ваши! Ржавые очень! – Ноет простуда! – Ржавчина точит ржавые груди! – Мы ж не накормим деточек ваших! – Куда вы пропали? – Мы заржавели на поле проклятом! – Доченька! – Дочка! – Солнце садится! – Груды засохли! Детей

накормите! – Накормите детей и гуляйте, сколько хотите! – Гуляйте всю жизнь, если жить так хотите! – Солнце садится! – Боже! Темнеет! – Доченька! – Дочка! – Чем же поля их взволновали? – Какие стога их в сено забрали? – Как же найти их? – Рыдайте так громко, чтоб до звезд доносилось! – Быстрее! Ищите их! – Терзайтесь так мощно, чтоб сердце разбилось! – Доченька! – Дочка! – Что вы творите? – Детей вы убьете! – Боже! Темнеет! – Нас до могилы вы доведете! – Боже, как страшно! – Темно и не видно! – Только нашлись бы! – Нет в живых их! – Что говоришь ты? – Как же обидно! – Быстрее! Быстрее! – Твари вы старые! Неситесь резвее! – Всё! Мы устали. – Сердце не ноет. – Слезы не льются. – Неситесь резвее! – Сердце не ноет. – Горло не стонет. – Темно и не видно! – Неситесь резвее! – Твари вы старые, что же вы сели? – Резвее бежать мы не умеем. – Темно и не видно! – Можешь одна ты кричать до рассвета. – Больше бежать мы не умеем. – Буду кричать я до конца света: Доченька! Дочка! Доченька! Дочка! – Надо домой возвращаться. – Так страшно. Чем мы внуков накормим кричащих? – Надо домой возвращаться. – Разотрем свои старые груди. Может, они не поймут. – О грудном молоке позабудут. – Что говорит она, старая дура? – Как растереть их? – Ржавчину снять как? – Надо домой возвращаться. – Хоть топором её обрубите, хоть тесаком морщины снимите. – Доченька! Дочка! – Да не шуми ты! – Пойдемте, подруги. – Хоть обманулись бы все наши внуки. – Доченька! Дочка! – Глупая баба, чтоб ты

пропала! – Доченька! Дочка! – Мы возвращаемся. – Не слушают ноги, не слушают руки. – Как дойти нам до дома? – Мы возвращаемся. – Ползите, подруги. – Ползите резвее, внуки там плачут. – Ползите, как змеи. Ползите, как гады. – Может, успеем. – Ползите, так надо! – Доченька! Дочка! – Меня подтолкните. – Какие мы старые. – Пока ползёте, влажной листвою груди трите. – Меня подтолкните. – В ночной траве сухую грудь размягчайте. – Доченька! Дочка! – Боже! Проклятье!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.